

А. А. ПРОНИН

Три войны Петра Врангеля

Имя «черного барона» Петра Врангеля привыкли связывать с заключительным периодом Гражданской войны и последним оплотом Белого движения на Юге России — Крымом. Между тем в биографии этого военачальника значатся еще две войны — Русско-японская и Первая мировая, участие в которых вместе с учебой в Академии Генерального штаба и позволили Петру Николаевичу приобрести бесценный опыт, как раз и выдвинувший его в когорту лучших полководцев той эпохи.

Из студентов — в конногвардейцы

Петр Врангель происходил из старинных остзейских (прибалтийских) дворян, появившихся в XIII веке, владевших землями в Эстляндии и Лифляндии, которые были пожалованы магистратом Тевтонского (в последующем Ливонского) ордена и королями Швеции. Военная служба на протяжении веков составляла цель и смысл жизни представителей этой династии, еще в 1653 году получившей баронский титул. Так, в армии Карла XII сражалось 79 офицеров, известных под именем «барон Врангель», тринадцать из них сложили головы на поле Полтавской битвы в 1709 году, и семеро умерли в русском плену.

После присоединения эстляндской и лифляндской территории к России Врангели обрусели, стали верой и правдой служить империи. В царствования Николая I и Александра II некоторые из них достигли высших военных чинов.

Однако Петр Николаевич Врангель, родившийся 28 августа (здесь и далее даты приведены по старому стилю) 1878 года в городке Ново-Александровске Ковенской губернии, происходил из семьи сугубо гражданского человека. Отец его, Николай Георгиевич, был директором страхового общества «Эквитэбль» в городе Ростове-на-Дону и не обладал ни особенным богатством, ни знакомствами и родственными связями в высшем свете, которые могли бы обеспечить

его отпрыску быструю военную карьеру. Поэтому Петр Врангель привык с юных лет полагаться только на себя, на свой ум, энергию и трудолюбие.

По окончании Ростовского реального училища он поступил в Горный институт императрицы Екатерины в Санкт-Петербурге и получил профессию горного инженера. Как было принято в те времена, по завершении учебы выпускник вуза отбывал воинскую повинность. Врангель стал вольноопределяющимся первого разряда, избрав себе местом службы славный ратными свершениями лейб-гвардии Конный полк. Здесь он дослужился до эстандарт-юнкера и сдал испытание на чин корнета, что стало основанием для зачисления его в 1902 году в запас гвардейской кавалерии. О происшедших с Врангелем за это время переменах нам поведал в своих воспоминаниях генерал-лейтенант А. Игнатъев, сослуживец Врангеля по гвардии: «На великосветских балах он выделялся тужуркой студента горного института; он был, кажется, единственным студентом технического института, принятым в высшем обществе. Потом я встретил его уже лихим эстандарт-юнкером конной гвардии... Врангель за несколько месяцев военной службы превратился в высокомерного гвардейца. Я посоветовал молодому инженеру бросить полк и ехать на работу в знакомую мне с детства Восточную Сибирь. Как это ни странно, но доводы мои подействовали, и Врангель отправился делать карьеру в Иркутск».

После сдачи экзаменов на чин в Николаевском кавалерийском училище он оставил не сулившую перспектив быстрого роста военную службу, ибо считал, что в «течение долгих лет» немыслима любая война, в которую оказалась бы втянута Россия. Однако судьба распорядилась иначе — уже в начале 1904 года Япония напала на Россию.

Молодой Врангель, честолюбивые амбиции которого, безусловно, не могла удовлетворить неопределенная должность чиновника для особых поручений при иркутском генерал-губернаторе, уже в первый день войны заявляет о своем возврате на военную службу и начинает хлопотать о переводе в действующую армию. Офицерам гвардии тогда не разрешали отправляться на Восток, тем не менее энергичному конногвардейцу удалось добиться перевода, да еще и зачисления в передовой отряд генерала Павла Ренненкампа. Как для Антона Деникина, Александра Кутепова, Сергея Маркова¹, других вождей Белого движения, Русско-японская война стала для Петра Врангеля тем горнилом, в котором выковывались его лучшие боевые качества.

Борьба — его стихия

О конкретных событиях этого периода его жизни мы мало что знаем абсолютно достоверно. Однако не подлежит сомнению, что участие в разведывательных поисках, дерзких налетах и вылазках, сначала

в составе отряда Ренненкампфа², а затем отдельного дивизиона разведчиков, закалили волю и решительность хорунжего 2-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска Петра Врангеля, повысили его уверенность в себе и боевую храбрость. Не случайно ближайший соратник Петра Николаевича по белому делу генерал Шатилов³ отмечал, что именно на маньчжурской войне «Врангель инстинктивно почувствовал, что борьба — его стихия, а боевая работа — его призвание».

Эти черты характера в сочетании с душевной неуспокоенностью, неумением почивать на лаврах, непрерывным стремлением к большему будут определять всю его дальнейшую военную карьеру. Начало же было положено хорошее. Не случайно произведенный в подъесаулы Врангель получил за Русско-японскую войну ордена Св. Анны 4-й и 3-й степени и орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Счастливо избежавший ранений, Врангель переводится в 55-й драгунский Финляндский полк и в январе 1906 года прикомандировывается к Северному отряду свиты Его императорского величества. В марте 1907 года он возвращается в свой родной Конногвардейский полк уже в чине поручика и, обладая «военным цензом» (т. е. стажем) и боевым опытом, успешно поступает в Николаевскую академию Генерального штаба, набрав 10,3 балла из 12 возможных. Кстати, среди его сокурсников оказался Борис Шапошников⁴, будущий начальник Генерального штаба РККА и Маршал Советского Союза.

Учеба в академии дается выпускнику Горного института легко, особенно он успевает в овладении иностранными языками (английским и французским), военной администрацией, военной статистикой, стратегией и на практических занятиях по тактике. У Врангеля есть все основания быть зачисленным по окончании учебы в Генеральный штаб, но штабной работе он предпочитает боевую службу, недаром перед выпуском параллельно заканчивает еще и Офицерскую кавалерийскую школу. В октябре 1911 года Врангель возвращается опять в лейб-гвардии Конный полк и получает должность заместителя командира эскадрона, а 16 августа 1912 года — командира 3-го эскадрона.

Его будущее теперь выглядит достаточно ясным — постепенное продвижение по служебной лестнице от чина к чину, размеренная полковая жизнь, светские балы, офицерские собрания, военные парады. Блестящий офицер-конногвардеец, разумеется, привлекает к себе куда большее внимание в великосветских салонах столицы, чем длинный студент в тужурке Горного института. Его запоминают прекрасным танцором и распорядителем на балах, остроумным и легким в общении участником офицерских собраний, увлекательным собеседником. Надо ли говорить, что при этом Петр Николаевич, как и всякий истинный конногвардеец, безоговорочно предан монархии, тем более что он — командир т. н. «шефского» эскадрона, едва ли

не ежедневно вступающий в общение с охраняемыми гвардией представителями императорской фамилии. «Гвардия на страже монархии, а армия — вне политики» — эта заповедь служит стержнем его мировоззрения.

...Август четырнадцатого года стал поворотной вехой в судьбах пятидесяти тысяч представителей русского кадрового офицерства, большая часть которых была выбита уже в первые два года Первой мировой войны. Но, отправляясь в составе 1-й армии генерала от инфантерии П. Ренненкампа для участия в Восточно-прусской операции, Врангель, как истинный военный, думает не о смерти, а о победе.

С первых дней марша по прусской земле — ежедневные перестрелки и стычки с неприятелем. Врангель в восторге. «Это — жизнь, а там, в казармах, было прозябание!» — говорит он сослуживцам. В первый же месяц войны его имя становится известно не только всей армии, но и всей России, ибо он — герой Каушенского боя 6 августа 1914 года. Личное мужество, великолепное военное образование, наконец, боевой опыт — все это вместе вылилось в блестящую атаку, решившую успех кровопролитного сражения.

...Утром 6 августа, захватив деревню Краупишкен, подразделения Конногвардейского и Кавалергардского полков, входивших в 1-ю бригаду лейб-гвардии кавалерийской дивизии, попали под губительный огонь немецкой пехоты и артиллерии, закрепившихся в деревне Каушен. Попытки продолжить наступление успеха не имели, гвардейцы несли большие потери. Чтобы представить происходившее на поле брани, достаточно сказать, что спешенные гвардейские кирасирские полки в полный рост наступали на германские артиллерийские батареи, расстреливавшие их в упор.

В самый критический момент, когда судьба сражения висела на волоске, командир дивизии генерал Казнаков принял решение бросить в бой свой последний резерв — 3-й эскадрон, которым командовал Врангель. Как свидетельствовал командир Конного полка Гартман, 3-й эскадрон, умело прикрываясь складками местности, сблизился с немецкой батареей и, развернувшись, атаковал. Немцы, не ожидавшие столь стремительной атаки, не успели изменить прицел. И хотя в эскадроне погибли все офицеры и более 20 солдат, а под Врангелем была убита лошадь, конногвардейцы ворвались на позиции неприятеля и заставили замолчать батарею, а потом в рукопашной схватке выбили противника из Каушен.

А ведь перед началом войны военные теоретики проводили мысль о невозможности конной атаки на пехотные позиции при современной плотности огня. И вот ротмистр Врангель в первом же крупном бою атаковал боеспособную пехоту, поддержанную артиллерийской картечью, и одержал яркую победу. Не случайно впоследствии командир Конногвардейского полка Гартман писал, что блестящие

конные атаки целой дивизией и даже корпусом во время Гражданской войны явились последствием той веры, которую утвердил во Врангеле Каушенский бой.

Петр Николаевич был награжден за него орденом Св. Георгия 4-й степени. Его фотография появилась на страницах «Летописи войны» — популярного иллюстрированного военного журнала. И хотя возможностей снова так отличиться у Врангеля уже не появляется (в условиях «окопной войны» конные части используются в основном в разведке), его карьера идет стремительно вверх. В сентябре 1914 года его назначают начальником штаба сводно-кавалерийской дивизии, в декабре получает чин полковника и должность флигель-адъютанта свиты Его Величества, в октябре 1915 года становится командиром 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, воевавшего на Юго-Западном фронте. При переводе бывший командир дает Врангелю следующую характеристику: «Выдающейся храбрости. Разбирается в обстановке прекрасно и быстро, очень находчив в тяжелой обстановке».

Под его командованием полк ведет активные боевые действия на Западном фронте в составе Уссурийской казачьей дивизии, за что он неоднократно получает благодарности от комдива Александра Крымова. Так, 29 и 30 июля 1916 года Нерчинский полк успешно выдерживает трудный бой с 43-м германским пехотным полком, усиленным артиллерией. По словам Крымова, в сложной обстановке полковник Врангель показал «умелое маневрирование и управление боем». Между прочим, германский пехотный полк в Первую мировую по численности втрое превосходил русский кавалерийский полк.

22 августа того же года, участвуя в атаке, 1-й Нерчинский полк берет в плен 118 германцев, захватывает большое количество оружия и боеприпасов, причем многие офицеры, включая Врангеля, ранены, но остаются в строю. За это командир дивизии Крымов «от всей души» благодарит в приказе Петра Николаевича и его боевых соратников. Врангеля награждают Георгиевским золотым оружием, назначают командовать бригадой, а затем кавалерийской дивизией, в январе 1917 года производят в генерал-майоры.

Однако грянувшая Февральская революция скоро ставит крест на его военной карьере. В августе 1917 года, пойдя на конфликт с членами армейского комитета, которые разлагающе действовали на дисциплину и подрывали доверие солдат к офицерам, Врангель вместо того, чтобы принять под командование конный корпус, пишет рапорт об отставке, в котором прямо заявляет, что «убеждений своих никогда не менял и менять не будет».

Как только случается Октябрьская революция, он уезжает в свое имение в Крым, написав: «Восемь месяцев назад Россия свергла своего монарха. Новое правительство начертало на своем знамени

лозунг «Война до победного конца». Через восемь месяцев это правительство позорно отдало Россию на милость победителя. В этом позоре виновато не одно безвольное и бездарное правительство, ответственность с ним разделили и старшие военачальники, весь русский народ».

От боя под Армавиром до «Красного Вердена»

Почти год Врангель ведет в Крыму очень замкнутый образ жизни, ни с кем практически не общаясь и едва не став жертвой «красного террора». Но в апреле 1918 года он решает действовать. Сначала приезжает в Киев к бывшему командиру лейб-гвардии Конного полка генералу, а ныне гетману Скоропадскому и встает под его знамена. Но гетмана мало заботит возрождение России, он ведет борьбу за самостоятельность Украины. Поэтому дальше частных бесед и предложений дело не идет. Врангель отказывается возглавить штаб формируемой Скоропадским украинской армии и вместе с семьей уезжает из Ялты на Кавказ. 25 августа он прибывает в Екатеринодар (ныне Краснодар), где располагаются штабные структуры Добровольческой армии и ее тыловые управления.

Не без посредничества генерала Драгомирова Деникин предлагает Врангелю пост командующего 1-й конной дивизией вместо генерала Эрдели, командированного в Грузию. Надо заметить, что белая конница в ту пору только создавалась. Сформированные почти целиком из терских и кубанских казаков, конные части Доброймии еще не сложились в стройные боевые единицы, подобные закаленным пехотным частям, знаменитым в будущем «алексеевцам», «корниловцам», «дроздовцам». Казачья конница нуждалась в авторитетном руководителе, способном ее дисциплинировать, нешаблонно и гибко мыслить на поле боя, быстро принимать точные решения.

Но хотя Врангель оказался именно таким человеком, первый бой в роли командира новой дивизии 18 сентября 1918 года под Армавиром стал для него неудачным. Казачьи полки под сильным огнем противника предпочли избежать лихой атаки, в которую звал их комдив. Не помог и его личный пример. Дело кончилось попытками генерала с десятком самых стойких казаков остановить бегущих и заставить их развернуться в лаву. Столь же безуспешными стали для врангелевской дивизии и бои 3–4 октября, снова закончившиеся почти повальным бегством казаков с поля боя, причем Петр Николаевич едва не оказался в плену. «Отчаяние и злоба душили меня, — писал он в мемуарах. — Бессилие мое остановить казаков, сознание, что мне доселе не удалось взять мои части в руки, поднимали в душе моей бурю негодования и горечи».

Тем не менее в середине ноября 1918 года Врангель был назначен командиром 1-го конного корпуса. К концу года весь Северный Кав-

каз контролировался Добровольческой армией. Красная 11-я армия была разбита и с тяжелыми потерями отходила к Астрахани. Деникин после заключения договора с Всевеликим Войском Донским объединил в своих руках все руководство белыми армиями, став главнокомандующим вооруженными силами Юга России (ВСЮР). Произошли изменения и в военной карьере Врангеля. 22 ноября 1918 года за успешные бои под Ставрополем он был произведен в генерал-лейтенанты и стал командовать Кавказской Добровольческой армией, сформированной в основном из кубанской конницы и пластуных пеших батальонов.

Именно с этого времени он стал носить черную черкеску с орденом Св. Георгия на газырях, черную папаху и бурку, приняв тот облик, который, собственно, так нам запомнился по фотографиям периода Гражданской войны и эмиграции. Скоро имя молодого командарма стало широко известно, ряд кубанских, терских и астраханских станиц приняли его в «почетные казаки», а Кубанская рада 13 февраля 1919 года наградила орденом Спасения Кубани первой степени.

Особой заботой Петра Николаевича было поддержание в частях твердой воинской дисциплины. Многие командиры мирились с мародерством, считая его в условиях плохого снабжения войск неизбежным злом. Однако Врангель не желал мириться с этой напастью и даже не останавливался перед публичными казнями мародеров в назидание другим.

В январе 1919 года командующий Кавказской армией заболел сыпным тифом в очень тяжелой форме. Деникин впоследствии писал, что Петр Николаевич очень тяжело переживал свою болезнь — он считал ее карой свыше, наказанием за чрезмерное честолюбие. Однако, по словам биографов, после встречи с чудотворной иконой Божией Матери в состоянии Врангеля наступило улучшение. Своим выздоровлением он был обязан и заботам жены Ольги Михайловны, заведовавшей госпиталем в Екатеринодаре.

5 мая 1919 года началась Царицынская операция, выдвинувшая Врангеля в число наиболее заслуженных и авторитетных генералов Белой армии. Во многом благодаря его настойчивости и хорошему планированию операции фронт Красной 10-й армии на реке Маныч был прорван, и маневренная конная группа устремилась к Царицыну. Врангель предполагал ворваться в город с ходу, на плечах отступающих красноармейских частей, не давая им закрепиться на оборонительном рубеже. Однако этот план не удался — полки конной группы застряли в пригородах «красного Вердена», потеряв в двухдневных боях свыше половины своих сил. Только 18 июня 1919 года, опираясь на активную поддержку артиллерии и танков, фактически впервые примененных в ходе Гражданской войны, врангелевским войскам удалось прорвать царицынские рубежи и взять город.

Примечательно, что за штурм Царицына союзники наградили Петра Николаевича британским орденом Св. Михаила и Георгия, а один из офицеров Кавказской армии в честь командарма сочинил красивый походный марш «Генерал Врангель».

«Смертный приговор армиям Юга России»

Уже 20 июня 1919 года Деникиным была издана директива о начале похода ВСЮР на Москву. Но Врангель, расценивший этот документ как безграмотный и в стратегическом, и в оперативном отношении, подверг его резкой критике, что стало началом быстро развившейся неприязни в отношениях с главкомом⁵. Петр Николаевич решился публично утверждать, что директива Деникина — не что иное, как «смертный приговор армиям Юга России». Почему? Оказывается, Деникиным «все принципы стратегии предавались забвению... Каждому корпусу просто указывался маршрут на Москву», вместо того чтобы собрать все силы в кулак и действовать концентрированно.

Не случайно Врангель предлагал главный удар наносить силами конной группы под его командованием, собрав туда максимум подвижных частей. После того как его инициатива не встретила поддержки, он выполнял предписанное деникинским приказом наступление на Саратов, но, как писал соратник Петра Николаевича по ВСЮР генерал Б. Штейфон⁶, «делал это без былого энтузиазма и желания», тем более что он «не был натурой ординарной».

«Он мог или ярко гореть выполняемым им делом и давать изумительные взлеты своей энергии и творческой фантазии, — пишет далее Штейфон, — или только добросовестно исполнять директиву, что, конечно, не воодушевляло П. Н. и не давало его деятельности должного военного вдохновения».

И когда Добровольческая армия уже подходила к Воронежу, Курску и Киеву, Кавказская армия смогла продвинуться лишь до г. Камышина (в полусотне верст от Саратова). При этом Врангель буквально терроризировал ставку Деникина донесениями о больших людских потерях, отсутствии пополнений, недостатке боеприпасов и тяжелого вооружения. «Заботы Ваши и Ваших ближайших помощников отданы полностью родным Вам частям, — упрекал Деникина кавказский главнокомандующий в рапорте от 29 июля 1919 года, имея в виду Добровольческую армию, — для других ничего не осталось... В то время как там, у Харькова, Екатеринослава и Полтавы, войска одеты, обуты и сыты, в безводных калмыцких степях их братья сражаются для счастья одной Родины — ободраные, босые, простоволосые и голодные...»

Во взаимных упреках Врангеля и Деникина создавалась почва для нарастающих разногласий, которые выльются в непримиримый

конфликт, как только белые армии начнут отступление по всей линии фронта. А это время приближалось неумолимо.

В октябре 1919 года выгнутый в направлении на Орел, Тулу и Москву почти тысячеверстный фронт ВСЮР оказался прорван. В тылу белых армий хозяйничали банды Нестора Махно⁷, в городах белого юга процветали воровство и спекуляция, вдобавок ко всему сильнейшая эпидемия тифа поразила и фронт, и тыл. Деникинские войска начали отступление и к концу ноября оставили Воронеж, Курск, Белгород. Чтобы остановить наступление красных, был разработан план концентрического контрудара конной группой во главе с Врангелем. Параллельно он был освобожден от командования Кавказской армией и назначен руководить Добровольческой вместо генерала В. Май-Маевского⁸.

Однако смена командования не могла сама по себе улучшить положение на фронте. Врангелю требовалось время, чтобы сориентироваться на незнакомом ему ТВД, а вскоре из-за отсутствия нормального снабжения и связи, слабости отступавших обескровленных частей проведение крупной наступательной операции оказалось и вовсе невозможным. Донская и кубанская конница, переброшенная из-под Царицына, почти совсем потеряла боеспособность, и конная группа распалась.

Не удалась и операция Врангеля по удержанию Донбасса. В трагическом декабре 1919 года части Добровольческой армии оказались расчленены, «белые столицы» Ростов-на-Дону и Новочеркасск пришлось спешно эвакуировать, а сильно потерявшие в людях полки «добровольцев» отошли за Дон. Их остатки были сведены в один корпус под командованием генерала Кутепова, а сам Врангель «ввиду расформирования армии зачислен в распоряжение главнокомандующего».

«Война обратилась в средство наживы...»

Вскоре о конфликте Врангеля с Деникиным стало широко известно и на фронте, и в тылу. В рапорте на имя главнокомандующего от 9 декабря 1919 года Петр Николаевич дал крайне резкую оценку пороков Белогвардейского движения, и вскоре его красноречивые высказывания стали всеобщим достоянием. «Беспрерывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались, — писал он. — Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию... Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, истрадавшееся от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало испытывать на себе ужасы грабежа, насилий и произвола. В итоге — развал фронта и восстания в тылу... Армии как боевой силы нет».

Хотя усмотреть прямую вину Деникина в происходившем в Белогвардейском движении развале фактически невозможно, Врангель

ее находил. И настойчиво добивался, чтобы Антон Иванович сложил с себя полномочия главнокомандующего.

Заключительным актом этой драмы стало увольнение Врангеля в отставку 8 февраля 1920 года. Но не проходит и месяца, как Деникин сам подает в отставку. Уставший от тяжелой двухлетней борьбы во главе белых армий, сломленный трагическим исходом «похода на Москву», потерявший веру в возможность успешного руководства Белым движением, Деникин на заседании Военного совета 21 марта 1920 года заявляет о сложении с себя полномочий главнокомандующего. Новым главнокомандующим ВСЮР совет единогласно избирает генерал-лейтенанта Врангеля. 22 марта Деникин издает последний приказ, которым передает свои полномочия барону.

«Господь не допустит гибели правого дела»

Новому главному достаются в наследство проблемы, которые делают положение белого Крыма почти безнадежным. После того как в феврале 1920 года крымские перешейки были удержаны корпусом генерала Якова Слащёва⁹, на фронте наступило относительное затишье, продленное советско-польской войной. За исключением подразделений слащевского корпуса, защищавшего Перекоп, боеспособных частей в Крыму не было. Реальных бойцов во ВСЮР насчитывалось максимум 20 тысяч.

Между тем на довольствии в армии состояло 150 тысяч человек, а всего на территории Крыма скопилось несколько миллионов человек, включая беженцев. Продовольственные же запасы были крайне скудны. Так, при годовой потребности в 9 миллионов пудов зерновых на складах имелось всего 130 тысяч пудов муки. При этом Великобритания — основной поставщик вооружения и снаряжения деникинским армиям — с переходом власти к Врангелю заявила об отказе от дальнейшей поддержки белых и необходимости переговоров с Советской Россией.

Все, что удалось Врангелю, так это заручиться британской поддержкой еще на два месяца, в течение которых предстояло или сдаться на милость победителя — советской власти, или попытаться продолжить вооруженную борьбу, рассчитывая лишь на собственные силы. Хотя очень многие в белом Крыму впали в уныние от сознания полной бесплодности борьбы с большевиками, во время торжественного парада и молебна на Нахимовской площади в Севастополе 25 марта 1920 года Врангель заявил: «Я верю, что Господь не допустит гибели правого дела, что Он даст мне ум и силы вывести армию из тяжелого положения. Зная безмерную доблесть войск, я непоколебимо верю, что они помогут мне выполнить мой долг перед Родиной, и верю, что мы дождемся светлого дня воскресения России».

Последние месяцы Гражданской войны на юге России стали для Врангеля временем наивысшего напряжения сил, духовных и физиче-

ских, сконцентрированности всей его энергии на организации борьбы за удержание «последней пяди русской земли», как называли тогда белый Крым. Очевидцы замечали в главнокомандующем состоянии огромного внутреннего возбуждения. «В этом человеке чувствовался ток высокого напряжения, — отмечал публицист В. Шульгин¹⁰. — Его психическая энергия насыщала окружающую среду. Вера в свое дело и легкость, с какой он нес на себе тяжесть власти, власти, которая не придавливала его, а наоборот, окрыляла — они-то и сделали это дело удержания Тавриды, дело, граничащее с чудесным».

Буквально каждый день Петр Николаевич проводил или на фронте, или в поездках по крымским городам и селам, в постоянных беседах, встречах, аудиенциях, даваемых и представителям духовенства, политических организаций, и частным лицам (купцам, промышленникам, крестьянам белой Таврии). Но все-таки главным делом для него стало восстановление боеспособности Белой армии. Части ВСЮР, отошедшие в Крым, были истощены тяжелыми боями, принципы «добровольчества» себя уже не оправдывали, повсюду чувствовались разочарование и усталость. Большой вред приносили многочисленные штабные и интендантские структуры, тыловые службы созданных лишь на бумаге полков и дивизий. Поэтому Врангель сначала взялся за реформирование существующих частей и соединений. В течение марта — апреля им было ликвидировано около 50 всевозможных «дивизий», «полков» и «отрядов», численность которых не превышала нескольких десятков бойцов. Вооруженные силы Юга России он переименовал в Русскую армию, подчеркивая тем самым органическую связь своих войск с той вооруженной силой, которая существовала у нас до 1917 года. Была возрождена и прежняя наградная система. Теперь за боевые отличия не производили в следующий чин, как это делалось при Деникине (вследствие чего среди «добровольцев» можно было найти даже 25-летних генералов), а награждали орденом Св. Николая Чудотворца, статут которого был почти скопирован со статута всеми почитаемого ордена Св. Георгия.

Врангелю удается превратить разложившиеся банды¹¹ в крепко сколоченные, хорошо снабженные и руководимые опытным командным составом войсковые части. Это признавал даже противник Петра Николаевича, руководивший операциями Южного фронта Красной армии в 1920 году, Михаил Фрунзе¹². Поэтому и операция в Северной Таврии, начатая Врангелем летом того же года, поначалу развивалась успешно.

В июне был разгромлен один из лучших красноармейских конных корпусов под командованием Д. Жлобы¹³. Июль и август прошли в непрерывных боях, а в сентябре, в ходе наступления на Донбасс, казаки Донского корпуса с налета захватили Юзовку.

Но 30 сентября в ходе т. н. Заднепровской операции был убит командующий кубанскими частями генерал Бабиев¹⁴. Лобовая атака

каховского плацдарма красных с применением танков также завершилась неудачей. Понесенное поражение, по оценке Врангеля, привело к тому, что в его армии «исчез порыв, пропала вера в собственные силы, смятение овладело полками». Вдобавок ко всему фронт белых частей снова растянулся, как это было годом ранее с деникинскими армиями, и немногочисленные полки русской армии оказались не способны его удерживать. А главное, вскоре Советская Россия прекратила военные действия с Польшей, и против войск Врангеля оказалось сосредоточено пять армий, из них две конные, под командованием М. Фрунзе, численностью более 130 тысяч человек. Красноармейцам понадобилась всего одна неделя, чтобы снова овладеть Северной Таврией, прорвать перекопские укрепления и ворваться в Крым.

29 октября 1920 года Врангелем был издан приказ об оставлении Крыма. Отмечая героизм войск и призывая к выдержке гражданское население, Петр Николаевич в приказе честно предупреждал тех, кто собирался разделить с Белой армией ее дальнейшую судьбу: «Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает». Поэтому правительство Юга России советовало «всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага, остаться в Крыму».

Он скончался в Брюсселе 12 апреля 1928 года, на 50-м году жизни, после продолжительной, доставлявшей ему большие страдания, болезни. «Боже, спаси армию...» — таковы были, по свидетельствам очевидцев, его последние слова.

Позднее тело его было перенесено в Белград и здесь погребено 6 октября 1928 года в русском православном храме, в саркофаге, под сенью склоненных знамен русских полков.

Генерал Врангель, его личность и вся его военная биография стали для Белой армии олицетворением непримиримой борьбы, во имя которой невозможно было уступить, отойти от изначальных традиций Белого движения... Для тех, кто разделил свою судьбу с Белой армией, оказавшись вдали от Родины, Врангель представлялся вождем, лидером, под руководством которого можно было надеяться на успех борьбы, на скорое возвращение в Россию...

В этом и кроется, видимо, секрет обаяния личности этого русского генерала, показавшего соотечественникам нетленный пример любви к своему Отечеству.

